

Писатель Ким Габриелян живет в Нагорном Карабахе, пишет рассказы, растит трех сыновей, является главным редактором журнала «Арцах». В 1990 г. вышла в свет его первая книга рассказов

Ким ГАБРИЕЛЯН

Без вины виноватый год

Гиришу и его односельчанам этот год так и запомнился — как год ареста Гириша. Со временем уж кто-кто, а сверстники Гириша, потом и дети, и внуки вспоминали бы злополучный год как сенсацию. Что же, собственно, произошло? Якобы Гириш председателя сельсовета Нуник, которая старше него на десять лет... А что молчать, что тут стыдиться-то — кто изредка и вспоминает об этом, так большей частью женщины, которые в один голос, без оговорок обличают распущенность Нуник, она-де молодость Гириша на десять лет продала закону. Вот и все. Да еще протокол того судебного заседания, которым подтверждается, что-де Гириш председателя сельсовета Нуник... Дать ложные показания плевое дело, тем более, что исходили они от председателя колхоза Унунца, по мнению женщин, на девяносто девять процентов ненавистного односельчанам. Недостающий один процент составляет Нуник, поскольку ее председателем сельсовета назначил никто иной, как Унунц. Родители Унунца, жена, дети, братья, сестра — почти все от него отвернулись. А почему — спросите у самого Унунца, если, конечно, наберетесь смелости. Каждый в селе характеризует Унунца в соответствии со своим профессиональным лексиконом. Учитель истории Григорян обзывает его бюрократам, учительница литературы — Дон Жуаном, бухгалтер Арут — скрягой, медсестра Лусик — язвой и прочее. А потому «и прочее», что не это суть важно, а то, что зафиксирован лже-факт: якобы Гириш председателя сельсовета Нуник... И никто иной, как Гириш. Двадцатитрехлетний Гириш, который, вернувшись из армии, не разгулялся, как некоторые, не занялся поиском невесты, а сменил танк на трактор и впрягся в работу. Ну, а еще он охотник побалагурить — на то и молодость — любит шутки-прибаутки. Но ежели из-за шутки превратиться в жертву закона, то о какой радости жизни может идти речь? Ну причем тут шутка? У Гириша и на уме не было шутить, он сказал только пару слов: «И еще я». Всего-то. А то: Гириш среди бела дня председателя сельсовета Нуник... В его словах была издевка и, пожалуй, угроза, но ради Бога, так ведь в адрес паскудников. А что есть паскудство? Ну, конечно же, не чистая, не настоящая любовь, а именно то, что увидел Гириш с дерева у родника Гелахпюр — самое что ни на есть паскудство, если не более того. Что ж такое увидел Гириш и стал жертвой несправедливого решения суда? Давайте лучше все по порядку. Каждый из рассказчиков этой истории, подающий ее как сенсацию сельского масштаба, сначала нагородит слов, а потом только — давайте все сначала, чтоб и понятно, и достоверно, и интересно было бы. Да еще и удивительно, хотя кого сейчас этим удивишь?

Итак, в середине лета, жарким шафрановым днем трактор Гириша вдруг заглох и встал в поле, у камня-ворона. На то и железо, чтоб испортиться и встать на ремонт. То-то и оно, чтоб встать на ремонт, потому что сколько уже раз чиненный-перечиненный безъязыкий металл просил-умолял — да смени ты меня. Жарким-разгоряченным летним днем в пяти километрах от села Гириш плюнул — а в горле-то пересохло — и зашагал к селу. Идет, а на душе муторно: известное дело, ни с чем ведь вернется.

«Яблочки-дички», за которую он в 1990 г. получил премию им. Мурацана писательской организации Арцаха — «За лучшую книгу года».

Но все-таки пошел, без оглядки ступая на собственную тень.

Середина лета, точно в кипящем котле; вода в Гелахпюре и прохладная тень дерева охладили-освежили кровь в жилах, и Гириш, смачно плюнув на весь белый свет, разлегся в тени, чтобы малость прикорнуть. Лег, но не уснул, потому что не давала покоя мысль: в мастерской не найдутся запчасти для трактора. А раз так, ему и чинить, как всегда. Разве поспишь со спокойным сердцем?

В полуяви-полусне краем уха Гириш услышал шум машины, а затем чьи-то робкие голоса и встрепенулся — председатель колхоза. Если увидит его, то вечером в конторе как пить дать начнет нудить, лучше убраться от глаз его подальше. Но куда? Гириш огляделся и решил, надежнее всего взобраться на дерево и схорониться в ветках. Устроился поудобнее — добро пожаловать, кто хочет.

Пожаловали да вдвоем, с'яло быть, без водителя обошлись. Унунц сам вел машину. У председателя в руках был стакан, он наполнил его водой, протянул Нуник:

— На, пей, у тебя небось тоже сгорит сердце.

Нуник глупо и некстати хихикнула. Гириш в уме отметил: «Пустышка. Какой же из нее председатель сельсовета?» Унунц тоже выпил и блаженно крикнул. Потом еще раз выпил.

— Вкусная вода, — сказал, — поест досыта да запить такой водичкой — почувствуешь себя владыкой мира.

— А разве ты не владыка? — Нуник опять невпопад рассмеялась, — конечно, владыка, целое село в твоих руках, — и она опустила на землю, прислонилась к дереву.

Гириш посмотрел сверху вниз: Нуник бесстыже обнажила коленки. Гириша аж в жар бросило: это еще что такое?

— Владыка, — с удовольствием протянул Унунц, — а разве ты не владычица? Оба мы владыки, — и опустился перед оголенными коленками Нуник, — кто больший владыка, ты или я? — и склонился к ее коленям.

Гириш с трепетом не отводил глаз — уж было на что поглазеть: белые округлые, крупные и красивые бедра у Нуник. Что бормочет Унунц и что так нетерпеливо и настойчиво выискивает под подолом Нуник?

Слов не разберешь, но что происходит, то вполне наглядно и разборчиво просматривается. И Гириш смотрел, разбирался и понимал, что происходит неумышленный грех. Но грех доставлял удовольствие и Гиришу, кровь прилила к лицу, ногам, рукам — дух захватывало.

При всем желании Гириш не смог бы закрыть глаза. Он должен, он обязан смотреть — такая услада, какое ни на есть утоление зова истосковавшейся плоти. Тоска поубавилась, кровь снова прилила к сердцу, сняв напряжение и усталость. Точно случайный ветерок, его обдала игривая щекощущая радость, так и подмывающая Гириша расхохотаться. Гириш зубами впился в сучок, чтобы не прыснуть. Зубам стало больно, но подкатывающий припадок смеха не отошел.

Действие под деревом было уже не столь захватывающим, а до слуха долетала вполне внятная речь.

— Ну что, доволен?.. Боюсь, как бы ты меня не осрамил на людях. У меня

же муж, дети...

— Муж... — Унунц сытым взглядом смерил Нуник, — дети... А что мы такого делаем, чтоб еще и срамиться? Исполняем божью волю.

— Среди бела-то дня. А если кто увидит?

— При виде машины председателя разве кто-нибудь осмелится приблизиться к роднику, тем более в это время дня? Все на работе, а бездельника я заморю законом.

— А может, кто подглядывал?

— Не волнуйся, о наших делах знаем только мы да Бог.

Гириша как ошпарили: «Бойтесь за свое паскудство, ну так вот вам», — и смело спрыгнул с дерева.

— И еще я!

Председателю сельсовета Нуник лучше было бы увидеть дюжину спрыгнувших с дерева чертей, чем Гириша, торжествующего, ухмыляющегося, убивающего наповал.

— Гириш?..

Председатель Унунц изменился в лице, но не растерялся. Нуник в замешательстве забыла прикрыть полуобнаженные бедра.

— Гириш, — вздрогнувший вначале голос Унунца постепенно окреп. — Ничего ты не видел, ничего не слышал. А я тебе добром отплачу. Понял?

— Э, товарищ председатель, слышанное-виденное — ерунда. Мир тесен, откуда знать, расскажу — не расскажу другим. Вот трактор у меня опять испортился.

— Трактор? — Унунц попытался скрыть обуюющую его радость, — велика беда, найдем тебе запчасти, только язык свой...

— Сам и отрежь язык, не то вряд ли я смогу удержать свой язык за зубами.

— Отрежу, — уверенно присовокупил Унунц, — тебе пора жениться, дом построить. Так я тебе построю дом. Построю — вот и отрежу язык.

Дом... Дом, конечно, нужен, особенно к женитьбе. Гириш снова представил белые крупные красивые бедра Нуник и почувствовал сладостную истому.

Председатель сельсовета Нуник молчала, жалкая и пристыженная. Молчала, потому что Гириш при подходящем случае непременно обо всем растрезвонит. Молчала, потому что знала о простодушии и прямоте Гириша, а люди простодушные не умеют скрывать тайну. Нуник в упор посмотрела в глаза Унунцу — мы пропали.

Как бы не так — не на того напали, и Унунц внутренне подобрался от сознания своей всеисильности. Искорки злобы заматались в глазах — ничего подобного, не пропали мы. Злоба закипела и прибегнула к состряпанной лжи-выручалочке. Зачем попусту задабривать этого щенка, зачем так глупо подвергать опасности свою честь, когда существует ложь-выручалка. И есть у нее свидетель...

Вечером все село знало, что Гириш, этот двадцатитрехлетний неопытный юнец, который чурается сельских девушек, вдруг у родника Гелахпюр пытался изнасиловать председателя сельсовета Нуник. Председатель колхоза Унунц, совершенно случайно проходивший мимо, подоспел в последний момент и освободил опозоренную, в разодранном платье Нуник от этого распоясавшегося изверга.

Недаром говорят, шила в мешке не утаишь. Но шило в руках Унунца не только спряталось, но покололо всех неверующих да сомневающихся, и ложь на своих на двоих дошла до райцентра, добралась до суда.

Вот и все. Подробности не в счет, потому что они были убедительно подтасованы. Поскольку суд поверил, то и вы должны верить, хотя и этот год в памяти односельчан сохранился как без вины виноватый год — год ареста Гириша.

Перевела
Кариэ ХАЛАТОВА